

Паша был обыкновенный парень, как все, но очень любил деревню, хоть и рос в городе. Вообще говоря, это редкость. Он не требовал от деревни взаимности или какой-нибудь платы, удобства; он хотел быть там. Слова и жесты, значащие только то, что должны значить, вера в «авось», крупные кисти рук, коротко стриженные тёмно-коричневые волосы, его любимым мультфильмом были «Приключения Пчелы Майи» или «Пчела Майя». Этот мультфильм показывали в середине дня, в неудобное время, где-то между обедом и ужином, когда все были на улице. Но Паша строго наказал своей матери, чтобы та обязательно звала его со двора к очередной серии, и его мать всегда выходила на крыльцо подъезда и кричала, и он, единственный из нас, шёл смотреть телевизор. Сюжет мультфильма разворачивался в траве, там были солдаты-муравьи, злые шершни, дождевые червяки, жуки с очень человеческими проблемами и приключения самой пчелы Майи. Интересно. Паша говорил, играя с нами в карты на крыше веранды детского сада: «Зачем жить в городе и учиться в этих школах, когда в деревне и так хорошо?» И поэтому Паша заранее в школе учился исключительно на три и два балла, готовя себя к непоступлению в институт.

Строго говоря, он не любил людные места, с детства предпочитал гаражи и гаражные массивы. Гаражные массивы — интересное словосочетание, стоит задуматься. Они были вдавлены в город, очерчены на карте, сколько начиналось и заканчивалось там жизнью? Это культовые места, каждый хоть раз бывал там. Песок, канавы, километры теплотрасс никого не оставят равнодушным, если ты хочешь найти приключения — иди в близлежащие гаражи.

Паша грезил мотоциклами, карбюраторными двигателями, гаечными ключами, бензином, и если это попадало ему в руки, то непременно пуска-

лось в какое-нибудь дело. Позже у него тоже появился собственный гараж, родители купили у знакомых по дешёвке. В то время гаражные массивы перестали охраняться, у людей на это не было денег. Гаражи разворовывались. Гаражи и горожане, горожи и гаражане. Паша практически ежедневно чинил сломанный мотоцикл, что-то ковырял в недрах двигателя и слушал музыку (В. Цоя). Там же, в гаражах, он и познакомился с коллегами, которые промышляли угоном именно мотоциклов, видимо, те их вдохновляли. Хотя брали все. Моторы для лодок, сами резиновые лодки, инструмент, инвентарь для дач и огородов, запчасти от автомобилей, да и сами не очень надёжные в плане техники автомобили. Главное, выбрать подходящий гараж.

Страшно было думать, что всего лишь каких-нибудь пять лет назад это имело цену, за этим выстраивались очереди, люди писали номерки у себя на руках, дежурили у дверей магазина сутками, посменно. Я помню, как сам простоял целый день в очереди в хозяйственный отдел с многозначным и многозначительным номерком, написанным синей шариковой ручкой у меня на руке. Очередь была за эмалированными кастрюлями бледно-голубого цвета. Много в то время покупалось впрок. «Если это не нужно сегодня, то может понадобится завтра», — так думала и моя бабушка. Но это уже была очень культурная очередь, у людей к тому времени выработалась «культура очереди». Никто не орал, не скандалил, не давился, «скорая» не приезжала... Где теперь эти эмалированные кастрюли с натюрмортом по бокам? Горожане пили, теперь горожане слишком быстро старели, чтобы использовать все те материальные ценности, добытые в длинных очередях, не осталось энергии.

Паша вёл себя крайне неуверенно, беря чужое. К этому надо было привыкнуть. Найти внутри себя оправдание, успокоить совесть. Это только на первый взгляд кажется очень лёгким, сколько сомнений, сколько бессонных ночей, неуверенности. За ужином ты незаметно прячешь глаза от близких, грусть вечера с удвоенной силой затекает внутрь тебя. Паша привык, смог привыкнуть: «Эти вещи всё равно почти брошены, они никому больше не нужны, никто и не вспомнит, про них вообще давно забыли!» В большинстве случаев он был прав.

Интересно отразилась жизнь горожан в их вещах, в их отношениях с вещами. Я наблюдал

этот калейдоскоп, был внутри этого калейдоскопа. Люди или вещи. Кто старел быстрее? Кто не успевал за новым временем? Как ни странно, в этом была некая закономерность. Если успевали люди, то старели их привычные вещи. Дом, гараж или дача наполнялись новыми, современными, чаще всего китайского производства, броскими, модными. В мусорный контейнер шли старые лыжные палки, привычная одежда, мебель и даже бытовая техника. Если успевали вещи, то не успевали люди. Подумав, осмотревшись, те замыкали пространство вокруг себя привычными предметами и ждали, ничего не выбрасывая в мусорный контейнер. Каждый по-своему был прав.

Нагрязнули менты, когда вся Пашина компания сидела в его гараже. Отвезли в КПЗ. Там, для начала и чтобы снять нервное напряжение, избивали. Видимо, когда-то был вскрыт «не тот» гараж. Половина пацанов быстро отмазалась вследствие юного возраста, а вот Пашу и ещё нескольких оставили. Паша сидел в КПЗ три дня и три ночи. Был суд, дали два года и шесть месяцев лишения свободы. По таким делам суды не бывают слишком длинными.

Паша был простоват, не настолько, конечно, чтобы не торговать краденными запчастями и другим хламом. Богатства он себе не нажил, но деньги имелись. К достатку привыкаешь, и воровать становится потребностью, когда просыпается азарт, когда отброшены все сомнения, вся неуверенность! Начинаешь любить свою «работу». А оправдать себя было очень просто, достаточно всего лишь включить телевизор, где ежедневно шли передачи и расследования о хищениях, раст-

ратах. Ворovali заводами, железнодорожными составами, скупались за бесценок предприятия, исчезали многомиллионные зарубежные кредиты. И всё сходило с рук. Но если своруешь куртку в школьной раздевалке или мотоцикл «не на ходу», то обязательно сядешь.

Я помню, как Паша вышел из исправительной колонии, стал вежливым, правильным. Ни матерного слова, ни оскорбления. В отличие от нас, через одно вставлявших нецензурное. Мы даже сдавали экзамен. Это было перед первым классом школы, первый в жизни экзамен — по русскому мату. Принимали его старшие дворовые пацаны на обгоревшей веранде детского сада. Необходимо было материться в течение двух минут (время засекали по секундной стрелке механических часов) не повторяясь, не сбавляя темпа, как можно изощрённее — для хорошего результата требовался творческий подход. Я сдал на пять, Паша тоже. Но были четвёрки и даже тройки. Двор в то время был понятием более глубоким, более весомым.

Исправительная колония сильно повлияла на моего друга. По выходе он устроился учиться в вечернюю школу, так как не доучился там немного. Не вязывался в авантюры, по вечерам сидел дома и смотрел телевизор. Я встретил его недавно, он женился, купил подержанный автомобиль. И когда растает почти весь снег, когда можно будет проехать через деревенские дороги, Паша и его жена у подъезда дома ранним утром будут прогревать свою машину, что-то складывать в багажник и на заднее сиденье (сумки, коробки, лотки). И минут через двадцать, когда мотор наберёт обороты и начнёт работать ровно, поедут туда, где будет ровно работать и сердце.

□

Максим Николаевич КОЖИН

родился в 1982 году в Северодвинске.

Окончил радиوفизический и исторический факультеты

ННГУ им. Н. Лобачевского.

Работает инженером связи на железной дороге.

Финалист конкурса «Северная звезда» — 2012

и лауреат конкурса «Северная звезда» — 2013 в номинации «Проза».

Живет в Нижнем Новгороде.

В журнале «Север» публикуется впервые.

